

01.04.98

БАИЯ ВСЕХ СВЯТЫХ

*(примечание к Независимой газете)
Книжное обозрение. - 1998. - Январь. - с. 2.*

В романах бразильского классика «среда заедает» персонажей, но не СЛИШКОМ

Фарид Изюмов

Жоржи Амаду. Капитаны песка. Пастыри ночи. Романы. — М.: Полярис, 1998, 480 с.

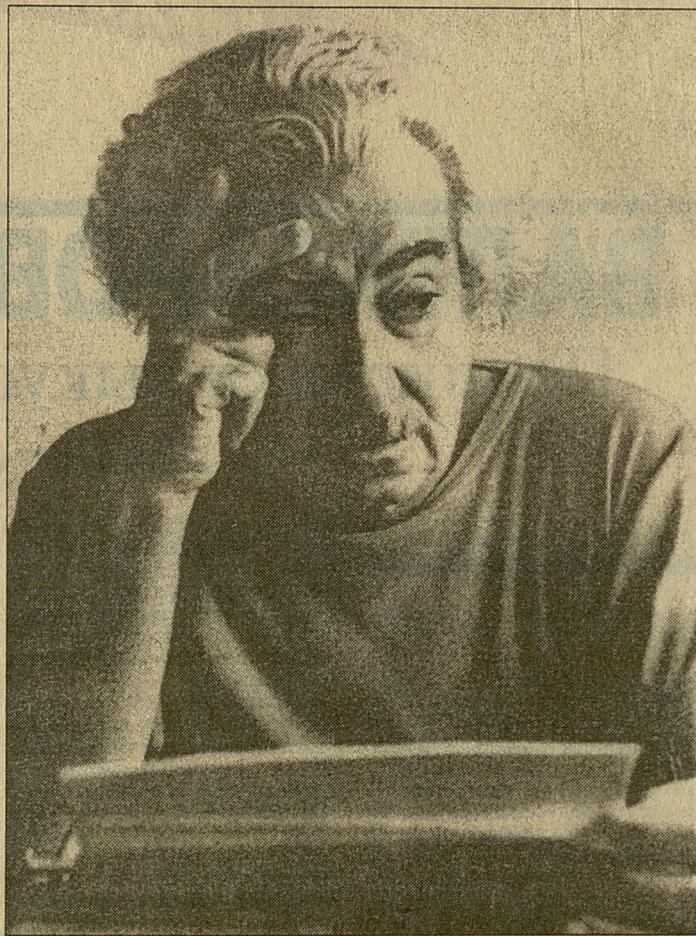

— «**Е** СЛИ БЫ моя воля, я бы крестил его во всех церк-вах: в католической, баптистской, у свидетелей Иеговы, у прочих протестантов и спиритов. Так мы застрахуем ребенка по всем линиям, и тогда он обязательно попадет в рай», — в этих словах одного из персонажей «Пастырей ночи» собственно и содержится существо романной жизни Жоржи Амаду, Мешанину культот от языческих африканских и индейских до традиционных христианских, пресловутый «сплав культур» в повседневной жизни бразильской «глубинки», роскошные карнавалы, экзотические ритуалы — всю эту красоту

вот уже больше шести десятилетий поэт 85-летний классик. И, несомненно, символичным по этому предстанет тот факт, что Жоржи Амаду сам родился неподалеку от знаменитого города — Баии (в переводе с португальского — залив) Всех Святых. И по сей день в нем живет.

Живет бок о бок со своими героями, в гуще предельно карнавализированной бразильской жизни. Не всей Бразилии, конечно, а той ее (хотя и большей) части, что расположена на север от благополучных, вполне буржуазных, населенных в основном выходцами из Европы южных штатов во главе с Сан-Пауло. Границу же между двумя противоположными бразильскими мирами обозначает легендарный Рио-де-Жанейро.

Столкновение этих двух миров в романах Амаду было неизбежным. Само время, эпоха 30-х годов, когда он начал писать, обеспечивало эту неизбежность. Почти горьковская поэтизация «дна» в «Капитанах песка» и горьковская же демонизация дикого капитализма. Столкновение получилось, но не получилось синтеза. Эстетически и морально сильнее (и это логично) оказывалось «дно». Для живописания же социальных коллизий оставалось пользоваться эстетически вполне бессильной, прямолинейной риторикой. Пятнадцатилетние «капитаны» баианских пляжей, «заеденные средой» и вынужденные воровать, грабить и убивать, при всем желании их создателя никак не хотели вырастать в борцов с мировым капиталом. Не выросли и до сих пор. Любопытно, что в слезливой американской ленте «Ге-

Жоржи Амаду, начальник генералов песчаных карьеров.

нералы песчаных карьеров» (перевод абсолютно дикий, поскольку речь идет о пляжах, а не о карьерах), которая шла на оте-

чественных экранах в середине 70-х годов, социальный пафос был значительно снижен за счет пафоса общегуманистического.

Картину это отчасти спасло, ну а роман, понятно, нет.

Уже вскоре после написания «Капитанов» Амаду как активный борец за справедливость бежит от фашистской диктатуры в Бразилии. Ненадолго возвращается, потом снова бежит. Живет во Франции и Чехословакии. Потом, и уже окончательно, возвращается в Баию. И с начала 60-х годов начинает публиковать книги, которым суждено стать мировой классикой. Среда все еще заедает его героев, но заедает уже красиво. На смену социальной риторике приходит социальная ирония. Порой она неуклюжа и по-бразильски простодушна, в отличие от иронии искушенных и холодных европейцев. Когда же пресловутой «среды» нет, романы Амаду — роскошное чтение.

Забавно, что в трехтомнике бразильского классика, выпущенном в издательстве «Художественная литература» в 1987 году, роман «Пастыри ночи» представлен лишь одной (из трех), но зато «политически грамотной» новеллой «Захват холма Мата-Гато, или Друзья народа». Социальной иронии в избытке, всебуржуазная продажность клеймится «остро и нелюбезно». Прочитав новеллу, пожалуй, вряд ли станешь разыскивать весь роман в целом. И напрасно. Первые две новеллы — «История женитбы капрала Мартина» и «Интервал для крещения Фелисио» — и есть та самая «тремучая бразильская смесь»: кружевной стиль, тонкий юмор, благородная чувствительность, феерически закрученный сюжет — и бесконечно длинный пантеон бразильских святых. Как, впрочем, и демонов. □

Амаду Моррис